

Киричѐк Анна Сергеевна

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРАЕ В ОЦЕНКАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
Д. Г. БИБИКОВА (1838-1852 ГГ.)**

Статья посвящена общественному движению в Юго-Западном крае в оценках генерал-губернатора Д. Г. Бибикова. Особое внимание уделяется анализу Д. Г. Бибиковым причин общественного движения. Показано, что взгляды высокопоставленного чиновника на причины общественного движения на протяжении 1838-1852 гг., по сути, не изменились, в отличие от оценок степени его активности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/22.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 81-85. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

юстиции в Уфимской губернии в 1892 г. и переподчинением судебных приставов мировых судов окружным судам размер содержания стал единым – 600 рублей в год.

Таким образом, организация института судебных приставов в Уфимской губернии строилась по территориальному принципу. Первоначально учреждалось по одному судебному приставу на территорию, подведомственную съезду мировых судей, либо на участок окружного суда. Судебные приставы назначались председателями тех судов, при которых они состояли.

Список литературы

1. Высочайше утвержденная комиссия по пересмотру законоположений по судебной части: труды. СПб., 1897. Т. 8.
2. Гордынский Я. К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 2.
3. Гурвич Н. А. Статистические комитеты и земские статистические отделы или бюро // Уфимские губернские ведомости. Уфа, 1883. № 2-5.
4. Иванова О. А. Организационно-правовые основы становления и развития службы судебных приставов в Казанской губернии (1864 – ноябрь 1917 г.): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
5. Календарь Уфимской губернии на 1893 год. Уфа: Губернская типография, 1893. 364 с.
6. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1875.
7. О введении судебной реформы в полном объеме в губерниях Оренбургской и Уфимской: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 09.03.1892 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). 1892. Собрание III. Т. XII. № 8400.
8. Решение общего собрания кассационных департаментов Сената за 1875 г. № 104 // Решения общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената за 1875 г. СПб.: Тип. Прав. Сената, 1876. 452 с.
9. Решение уголовного кассационного департамента Сената за 1872 г. № 612 // Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1872 г. Первое полугодие. СПб.: Тип. Прав. Сената, 1872. 1184 с.
10. Собрание узаконений Российской Империи за 1878 г. СПб., 1879. № 111.
11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1897. Т. 2. 400 с.
12. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 101. Оп. 1.
13. ЦГИА РБ. Ф. 431. Оп. 1.
14. ЦГИА РБ. Ф. 432. Оп. 6.
15. ЦГИА РБ. Ф. 433. Оп. 1.
16. ЦГИА РБ. Ф. 434. Оп. 1.

BALIFF SERVICE STAFFING WITHIN UFA PROVINCE (1864-1917)

Timur Basirovich Karimov

*Department of State and Law Theory and History
Bashkir State University
karimovtb@mail.ru*

The author reveals the problems of bailiffs' staffing and financial and material support within Ufa province in 1864-1917 and for the first time introduces previously unpublished archival documents and materials that reflect the questions of bailiffs' appointment and dismissal into scientific circulation.

Key words and phrases: bailiffs; staffing; court; applicants; material support.

УДК 94(47)073«1830/1850»

Статья посвящена общественному движению в Юго-Западном крае в оценках генерал-губернатора Д. Г. Бибикова. Особое внимание уделяется анализу Д. Г. Бибиковым причин общественного движения. Показано, что взгляды высокопоставленного чиновника на причины общественного движения на протяжении 1838-1852 гг., по сути, не изменились, в отличие от оценок степени его активности.

Ключевые слова и фразы: Юго-Западный край; генерал-губернатор; Д. Г. Бибиков; общественное движение; поляки.

Анна Сергеевна Киричѐк

*Кафедра русской истории
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
anetkir@rambler.ru*

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРАЕ
В ОЦЕНКАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БИБИКОВА (1838–1852 ГГ.)©**

Польское восстание, затронувшее и земли Юго-Западного края, во многом предопределило направление действий российских властей в этом регионе. Одним из генеральных направлений в их деятельности стало

наказание участников подавленного мятежа и недопущение аналогичных политических потрясений в будущем. Это не всегда удавалось, и время от времени новые проявления общественной активности все же обнаруживались. В связи с этим представляется важным рассмотреть вопрос о том, как властные структуры расценивали состояние общественного движения.

Историки, изучавшие общественное движение, рассматривали его с позиции участников и, как правило, ограничивались констатацией того, что власти жестоко расправлялись с ними [2, с. 97-99; 8, с. 166-171, 270-277]. Вопрос о том, как именно представители администрации оценивали обнаруженные факты общественного недовольства, историки обошли стороной. Наиболее последовательным и жестким проводником имперского курса как современники, так и историки считали Д. Г. Бибикова, возглавившего край в 1838 г. На время его генерал-губернаторства пришлось наиболее заметные проявления общественного движения, был обнаружен и ряд менее значительных случаев. В связи с этим представляется важным проследить, как воспринимал общественную ситуацию чиновник, руководивший краем 14 лет.

Вступив в должность генерал-губернатора, Д. Г. Бибиков оценивал настроение польского населения крайне негативно. Во всеподданнейшей записке, поданной в апреле 1839 г., он отмечал: «Расположение их ныне хуже, нежели было в 1830 году» [5, д. 24, л. 27]. После обнаружения в крае деятельности польского эmissара Ш. Конарского руководитель края признавал, что общественно-политическая обстановка неблагоприятна и таит в себе опасностей больше, чем накануне восстания 1830 г. Он подробно охарактеризовал умонастроения всех сословий местных жителей. Наибольшие опасения внушали генерал-губернатору дворянство и католическое духовенство, которые «с самого присоединения к России не переставали сожалеть о прежнем времени» [Там же]. Вместе с тем, Д. Г. Бибиков отмечал, что в последнее время некоторые обстоятельства усилили недовольство высшего сословия. Он указывал на те меры, которые были приняты властями как раз для предотвращения общественного движения в будущем, в частности, на деятельность ревизионных комиссий о дворянстве, а также на постановления о службе, которые дворяне расценивали как «выражение недоверенности к ним правительства» [Там же, л. 28 об.]. Католическое же духовенство, по мнению Д. Г. Бибикова, старалось «изыскивать примеры мнимых стеснений своего богослужения и, указывая на них, усиливать чувство общего неблагоприятия» [Там же, л. 29]. Следовательно, генерал-губернатор вынужден был признать, что действия властей, несмотря на их кажущуюся целесообразность, приводят и к негативным результатам, усиливая недовольство наиболее политически активных групп местного польского населения. Однако это было вполне закономерно, и другого развития событий ожидать было трудно. Власть, очевидно, должна была быть готова к таким последствиям. Рассматривая положения остальных сословий, Д. Г. Бибиков также приходил к довольно безрадостным выводам. Купечество в крае состояло преимущественно из евреев, на которых в политическом отношении власть не могла положиться. Казалось бы, верной опорой власти могли стать православные украинские крестьяне, доказавшие во время восстания 1830-1831 гг. свою преданность престолу. Однако их расположение также было отчасти поколеблено последовавшими событиями, в особенности тем, что, несмотря на заверения князя Ф. В. Сакена, они после подавления восстания были возвращены своим владельцам. Именно это обстоятельство, по мнению Д. Г. Бибикова, привело к тому, что при недавнем раскрытом заговоре эmissара Ш. Конарского «никто из крестьян не сделал показания на своего помещика» [Там же, л. 32 об.]. Получалось, что имперская власть не имеет надежной опоры ни в одном из слоев здешнего населения, а наиболее социально активная его часть настроена открыто враждебно по отношению к ним.

В докладной записке «О моральном состоянии поляков в отношении политическом», представленной А. Х. Бенкендорфу в мае 1839 г., Д. Г. Бибиков вновь изложил свои суждения. Он указывал, что поляки «находятся в каком-то волнении, ... и в мнениях своих против правительства совершенно неблагонадежны» [Там же, л. 81]. Тон этой записки, однако, более оптимистичен, чем предыдущей. Общественно-политическое состояние края в целом генерал-губернатор оценивает не столь критично. Автор подчеркивает успехи властей по обнаружению противозаконной деятельности польских патриотов и установлению надзора над ними. В частности, он пишет о выявленном его чиновниками широком распространении у поляков «многих пасквильных и революционных сочинений» [Там же, л. 81 об.]. Д. Г. Бибиков отмечает важность обнаружения того «сильного влияния, которое возымела в крае Бердичевская агенция (*филиал* – А. К.) польского банка», а также тайных связей местных поляков с единомышленниками в Галиции. Однако наиболее серьезным было, по мнению генерал-губернатора, раскрытие тайного общества «Веры, надежды, любви» и общества «Балагулов». Последовавшее вскоре расследование деятельности Ш. Конарского и созданного им «Союза польского народа», по утверждению генерал-губернатора, «дополнило эти открытия доказательством всей важности зла, внедренного в край» [Там же, л. 82]. Таким образом, генерал-губернатор признавал, что заговорщическая активность эmissара Ш. Конарского нашла благоприятную почву в крае, но не являлась первопричиной возникновения тайных объединений. Он отмечал, что ряд тайных обществ возник в крае еще до прибытия эmissара Ш. Конарского. Эти тайные организации, по мнению Д. Г. Бибикова, «не были следствием увлечения, но выражением изменнических козней благодарных и слабонаказанных за мятеж преступников» [Там же]. Генерал-губернатор признавал, что на Правобережье глубоко укоренились ростки общественного движения, а новая, активная фаза его развития стала возможной вследствие недостаточности строгого наказания участников недавнего польского восстания, которыми двигали устойчивые антирусские убеждения.

Во всеподданнейшем докладе 22 марта 1840 г. генерал-губернатор отмечал: «В настоящее время направление поляков не изменилось и остается при той вражде ко всему русскому, которая была и есть виной стольких бедствий края» [3, д. 553, л. 15]. Вместе с тем он утверждал, что властям удалось раскрыть

и детально расследовать заговор Ш. Конарского, обнаружить переписку местных жителей-поляков с эмигрантами, изобличить и пресечь деятельность банкира И. Млодецкого, оказывавшего финансовую поддержку польским изгнанникам. Это, по убеждению Д. Г. Бибилова, должно было показать полякам, что «все их действия, как бы они сокровенны ни были, правительство находит средство обнаружить» [Там же]. Вместе с тем генерал-губернатор признавал, что поляки по-прежнему «состоят под ярмом идей, враждебных России», а потому представляют собой опасность с политической точки зрения [Там же, л. 15 об.]. По его сообщению, распространившиеся в крае слухи о том, что в Подольской и Волынской губерниях среди дворян существует общество помощи изгнанникам, не подтверждались. Кроме того, Д. Г. Бибилов пытался опровергнуть появившееся мнение о значительном росте оппозиционной активности католического духовенства: точно были обнаружены «неблаговидные» действия только двух ксендзов, уличенных в произношении патриотических и антиправительственных речей. Однако, несмотря на все обнадеживающие обстоятельства, начальник края заключал, что «поляки и их духовенство не укротятся и не откажутся от вредных своих мечтаний и беспокойных при случаях действиях, доколе край, силой возвышения элементов русских и православия... не войдет в общую семью Великороссийских областей» [Там же, л. 16 об. - 17]. Д. Г. Бибилов мыслил стратегически и полагал, что для полной победы над общественным движением необходимо противопоставить ему системное преобладание господствующей религии и национального элемента.

Признавая наличие «польского мятежного духа» в среде польского дворянства, руководитель края, тем не менее, заявлял, что оно в силу «своего робкого и ничтожного характера», а также благодаря принятым властью мерам «не способно ни к каким опасным предприятиям, но, сохраняя всегдашнюю готовность к тайным козням, может порождать при случаях всевозможные беспорядки» [Там же, л. 23]. Получается, что Д. Г. Бибилов исключал вероятность повторения открытого вооруженного выступления со стороны поляков, но не отвергал возможности создания новых тайных обществ и распространения антиправительственных сепаратистских идей.

В особом «Общем виде нравственно-политического состояния» Юго-Западного края, представленном на рассмотрение императору в мае 1840 г., который в свою очередь передал его в Комитет Западных губерний, Д. Г. Бибилов подчеркивал, что делать какие-то уступки полякам не стоит. Он утверждал, что поляки объясняли их «не желанием добра, но бессилием России» [7, д. 329, л. 3 об.]. Уступки, по мнению Д. Г. Бибилова, способствовали появлению у польских патриотов мыслей об отделении от России и достижении независимости. Генерал-губернатор признавал, что, несмотря на успешное подавление крамолы при помощи вооруженной силы во время восстания, поляки не оставили прежних намерений и продолжили свою заговорщическую деятельность. Свидетельством тому явились раскрытые недавно тайные общества, работавшие при активной поддержке Ш. Конарского. Их существование, по мнению Д. Г. Бибилова, доказывало, что «польская эмиграция не перестает действовать на жителей Западных губерний, а сии последние не перестают крамольствоваться и мечтать о новых преступлениях» [Там же, л. 5]. В обзоре генерал-губернатор не сообщал об успехах своих подчиненных в деле обнаружения и уничтожения недавно раскрытого заговора Ш. Конарского. Создавалось впечатление, что власть еще далека от действенного уничтожения польской крамолы. На серьезности угрозы указывал и целый перечень мероприятий, которые он предлагал «для обуздания польского влияния» [Там же, л. 10]. В целом они имели традиционный характер и включали необходимость борьбы с влиянием католического духовенства, ограничение его преобладания и повышение роли православного духовенства; строгое наблюдение за общественной безопасностью «во всех ее видах, не дозволяя своеволий и буйств» [Там же, л. 10 об.]. Однако конкретные указания свидетельствовали, что Д. Г. Бибилов относился к недавно обнаруженной деятельности в крае тайных объединений очень серьезно. Предписывалось, в частности, предавать военному суду не только повстанческих эмиссаров, прибывших из-за границы, но и всех тех, кто будет принимать их в своих домах и содействовать им другими способами; а также тех, кто будет распространять противозаконные произведения и отправлять эмигрантам деньги. Более того, в «Общем виде...» Д. Г. Бибилов предполагал «строжайше наблюдать за тем, чтобы нигде не было более того количества оружия, которое дозволено иметь сделанными по сему предмету распоряжениями» [Там же, л. 12 об.]. Всех тех поляков, которые будут уличены в связях с эмигрантами, «или вообще будут оказываться неблагонадежным и неблагонамеренным, или будут вмешиваться в дела православия и отвлекать своих людей и крестьян от оногo», предписывалось отправлять на жительство в великороссийские губернии, а их имения отдавать в казенное управление [Там же, л. 13]. Генерал-губернатор оценивал ситуацию крайне серьезно и, в отличие от предшествующего доклада, подготовленного всего двумя месяцами ранее, не исключал повторения вооруженного выступления в крае.

Во всеподданнейшем отчете об управлении краем за 1849 г. генерал-губернатор утверждал: «События 1846, 1848, 1849 г., на самой границе сих губерний, не потрясли их спокойствия» [6, д. 7, л. 1]. Д. Г. Бибилов подчеркивал, что население края в период европейских революционных потрясений убедительно доказало свою преданность престолу. Вместе с тем, из доклада генерал-губернатора следовало, что он не был безусловно уверен в лояльности поляков. Он осторожно замечал, что, пожертвования на кадетский корпус, провиант для войск, в которых участвовали и польские помещики, ясно доказывают, что «поляки чувствуют неуместность выражения противного (преданности престолу)» [Там же]. Вместе с тем, Д. Г. Бибилов отмечал, что некоторые представители самого богатого и знатного дворянства, в числе которых он называл графа М. Потоцкого и князя Любомирского, по-прежнему испытывали неприязнь к порядку и к России. Однако он выражал уверенность, что строгое выполнение воли императора сможет уничтожить «и этот остаток выражения польского духа» [Там же, л. 2]. По убеждению генерал-губернатора, действия властей по борьбе с общественным движением, основной составляющей которого он считал польские тайные общества, дали

ощутимые результаты. Упомянув о побеге 15 молодых людей в Галицию во время начавшихся там революционных потрясений, высокий чиновник отмечал, что, исходя из показаний, целью побега «было ложное убеждение, будто в Галиции, при появившейся Конституции, им будет лучше, в чем и обманулись» [Там же, л. 2 об.]. Таким образом, Д. Г. Бибиков признавал, что политические мотивы в действиях молодежи имелись, но их надежды на лучшую жизнь не оправдались. Примечательно, что в ходе расследования нескольких подобных дел и генерал-губернатор, и попечитель Киевского округа утверждали, будто побег учеников Житомирской гимназии за границу в 1846 г. можно приписать «единственно к молодости, неопытности и легковерию» [4, д. 181, л. 9 об.]. Аналогичным образом Д. Г. Бибиков объяснял и неосуществленное намерение нескольких учеников Каменец-Подольской гимназии бежать за границу в марте 1848 г. [Там же, л. 11]. Во время политических происшествий, пусть и незначительных, генерал-губернатор, а также представители учебного ведомства, пытались представить их следствием юношеских «шалостей» и наивности, однако в дальнейшем он был вынужден косвенно признать, что они имели и иные мотивы.

В обширном докладе, охватывавшем события 1838-1850 гг., генерал-губернатор обращал внимание на то, что тайные общества, возникшие в крае во второй половине 1830-х гг. и развивавшиеся при активной поддержке демократического крыла польской эмиграции, таили в себе особую опасность. Они ставили своей целью «провести революцию в народ, дотеле к тому равнодушный» [1, с. 10]. Д. Г. Бибиков указывал также, что польские заговорщики имели для осуществления своих замыслов и финансовые возможности: их инструментом был Бердичевский филиал Польского банка. Однако благодаря действиям властей, как отмечал генерал-губернатор, все заговоры удалось обнаружить, Бердичевское отделение Польского банка было закрыто, и были приняты меры для противодействия возникновению новых тайных обществ и заговоров. Генерал-губернатор, как и в 1849 г., утверждал, что действия властей доказали полякам невозможность «не только успеть в революционных предприятиях, но даже скрыть его от правительства» [Там же, с. 12]. Д. Г. Бибиков отмечал, что несколько фактов побега за границу на протяжении 1840-х гг. были «почти единственным проявлением неприязни поляков к России» [Там же]. Вместе с тем, как и год назад, он признавал, что полностью источники крамолы властям уничтожить не удастся, поскольку они коренятся в умонастроениях и общественном поведении двух наиболее влиятельных сословий, настроенных враждебно по отношению к России: польского дворянства и католического духовенства. Однако генерал-губернатор указывал, что власти смогли существенно подорвать политическое значение и оппозиционный потенциал шляхты. Благоприятные изменения произошли, по утверждению Д. Г. Бибикова, и в католическом духовенстве: его положение в крае совершенно изменилось. Он подчеркивал, что «ксендзы постепенно стали ограничиваться исключительно исполнением своих духовных обязанностей» [Там же, с. 17]. Д. Г. Бибиков писал также об успешном противодействии общественному движению в сфере просвещения. Он утверждал, что «влияние поляков на воспитание было устранено»: были предприняты превентивные действия против формирования оппозиционных настроений молодого поколения, а значит – и развития в будущем национально-освободительного движения в крае [Там же, с. 22].

Примечательно, что ни в отчете по управлению краем за 1849 г., в котором генерал-губернатор ссылался на «события 1846, 1848 и 1849 годов», то есть восстание в Кракове, Галиции и революционные события в Западной Европе, ни в «Обозрении Киевской, Подольской и Волынской губерний с 1838 по 1850 год», Д. Г. Бибиков ничего не сообщал о раскрытом в 1847 г. Кирилло-Мефодиевском обществе. Идеи этого общества были обращены, прежде всего, к украинскому народу, составлявшему большую часть населения края, а потому в политическом отношении оно представляло для власти, очевидно, большую угрозу, нежели объединения, имевшие польский национально-освободительный характер. Вероятно, в связи с этим Д. Г. Бибиков предпочел не упоминать об этом обществе в своем докладе о состоянии края в период с 1846 по 1849 годы, ограничившись упоминанием только европейских революционных событий.

Таким образом, руководитель края полагал, что глубинные причины общественного движения в Юго-Западном крае коренятся в традиционном укладе жизни наиболее социально активной части здешнего общества в лице польской шляхты и католического духовенства. Его развитию, по мысли Д. Г. Бибикова, невольно способствовало и поведение властей, не нашедших адекватного ответа на действия политической активной части местного общества, а также не сумевших создать прочную политическую опору власти в других слоях населения. Он пришел к заключению, что, благодаря принятым мерам, власти смогли существенно подорвать оппозиционный потенциал шляхты и католического духовенства, но не искоренить его окончательно. В своих докладах он не рассматривал украинский народ как оппозиционную силу.

Список литературы

1. Бибиков Д. Г. Обозрение Киевской, Подольской и Волынской губерний с 1838 по 1850 год // Русский архив. 1884. № 5.
2. Марахов Г. И. Социально-политическая борьба на Украине в 20-х - 40-х годах XIX века. Киев: Вища школа; Изд-во при Киевском университете, 1971. 151 с.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 600. Оп. 1.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10.
5. РГИА. Ф. 1266. Оп. 1.
6. РГИА. Ф. 1281. Оп. 5.
7. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2.
8. Сергиенко Г. Я. Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. 1826-1855. Киев: Наукова думка, 1971. 301 с.

**SOCIAL MOVEMENT WITHIN SOUTH-WEST REGION
IN GOVERNOR-GENERAL D. G. BIBIKOV'S ESTIMATIONS (1838-1852)**

Anna Sergeevna Kirichek

*Department of Russian History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
anetkir@rambler.ru*

The author describes social movement within South-West region in Governor-General D. G. Bibikov's estimations, pays special attention to the analysis of the social movement reasons which was conducted by D. G. Bibikov and shows that the high-ranking official's views on the reasons of the social movement remained essentially unchanged over 1838-1852 unlike his estimations of its activity degree.

Key words and phrases: South-West region; Governor-General; D. G. Bibikov; social movement; the Polacks.

УДК 941(47+57)

Статья раскрывает происхождение и эволюцию русской общины. На научном материале в исторической динамике проводится исследование естественно-исторического процесса изменения характера и функций общины. Автор обосновывает дуализм крестьянского права, акцентирует внимание на процессе формирования коллективного начала в общинном устройстве и показывает его роль в национальных традициях аграрных отношений российской цивилизации.

Ключевые слова и фразы: аграрные отношения; национальные традиции; община; менталитет; правовой дуализм; коллективное начало; индивидуальное начало.

Людмила Михайловна Кожевникова, к.и.н., доцент

Кафедра экономики и управления

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Красноярске

lyudmila.kozhevnikova@mail.ru

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И СУДЬБЕ РОССИИ®

Уникальность каждой отдельно взятой цивилизации формируется в рамках мирового сообщества под влиянием внешних воздействий, но на основе национальных традиций. Эти традиции накапливаются веками и находят отражение в историческом опыте аграрной эволюции, менталитете отечественного крестьянства. Поэтому их изучение имеет методологическое и практическое значение для преобразований в сельском хозяйстве на современном этапе. Одной из важнейших национальных особенностей российской цивилизации является первичность коллективного начала, берущего начало в крестьянской общине. Именно в ходе ее эволюции складывался самобытный тип хозяйствования в аграрной сфере страны, и в ней, как в капле воды, отражалась вся многосторонняя жизнедеятельность отечественного крестьянства.

Поэтому *цель данной статьи – исследование особенностей эволюции русской общины для извлечения уроков из земледельческого труда прошлого, которые могут быть использованы в современных условиях и в обозримом будущем.*

В связи с этой целью автором было изучено теоретическое и историческое наследие ученых по вопросам происхождения, характера и эволюции общины. В обширной историографии, в которой так или иначе затронуты указанные проблемы, можно выделить исследования В. А. Александрова [2], В. Л. Берсенева [3], В. П. Данилова [5], Л. В. Даниловой [6], В. В. Кабанова [9; 10], К. Р. Качоровского [11], Л. В. Милова [12], А. А. Никонова [13] и др. Научные достижения историографии послужили базой для проведения исследования и оценки влияния традиций общинного устройства на социально-экономическое развитие страны.

Приступая к анализу поставленной проблемы, следует подчеркнуть, что община не являлась исключительно русским явлением. Это одна из древнейших форм оседлого земледельческого населения еще в условиях родо-племенных отношений. В древнейшей эволюции произошла трансформация родовой общины в соседскую, основанную уже по экономическим интересам. Но ее роль и значение в хозяйственной жизни непосредственных производителей формировались в конкретных типах цивилизаций: от сплоченной восточной до парцеллярной античной. Вполне естественно, что и в отечественном варианте отражались исторические особенности развития страны в целом.

Традиции общинного коллективизма российской цивилизации имеют глубокие корни, истоки которых определяют природная среда и духовно-нравственные основы народа. Огромная неосвоенная территория Восточно-Европейской равнины, где расселились племена восточных славян, при небольшой плотности